

Ронэн очнулся через несколько минут после переноса. Сломанные кости срастались, раны затягивались. Открыв глаза, он издал хриплый всхлип, после которого разразился кашлем. Он схватился за горло, вспоминая жуткую фигуру Палласа. Теперь он понимал, почему при первой встрече его посетило странное чувство — отвращение, смешанное с чем-то ещё... Неужели с предательством? Странно. Возможно, это было связано с его словами о разрушении половины замка Фаусфоруса. Ведь в ночной тьме царило абсолютное спокойствие. Смерть называли «Вечным покоем». Покой был естественным состоянием, подобно другим двум концепциям. Когда не было войны или конфликтов, наступал покой. К тому же, Паллас был таким же бессердечным и манипулятивным, как и он сам. Ронэн встречал подобных индивидуумов — их было немало, удивительно. Люди, которые знали, как использовать обман и скрытность, всегда были рядом: Ловушка, Лилия Калла, бывшие друзья Цермина, за исключением Зериава, а возможно, и его братья. Но Паллас был единственным, кто казался ему почти идентичным по способам обмана. Не вычурный, но и не слишком скрытный. Он использовал театральность ради развлечения и эстетических целей, применял полуправду и невозмутимое выражение лица. Почему же его истинное обличие вызвало у Ронэна ощущение, что «родственник нападает на своего сородича»? Предательство своего же вида. Он отбросил эти мысли, отгоняя образ существа, состоящего из одних лишь слов. Слов, которые не давали ему уйти, проникая во всё, существуя везде вокруг него, одновременно. Он переключил внимание на Цермина, который истекал кровью, если он не поторопится. Кровавое пятно красовалось на его рубашке, а по всему телу разбросаны были царапины. И все же... Он сумел улыбнуться с неподдельным миром, прежде чем потерять сознание. Ронэн был обеспокоен этой улыбкой, ведь она говорила о способности пожертвовать собой ради другого. В конце концов, он недоверял всем и полагал, что за каждым действием скрывается какой-то скрытый мотив. Он мог перечислить множество причин, чтобы оспорить жертву Цермина ради него. У Цермина не было никого, кто мог бы его спасти, поэтому он должен был спасти Ронэна, иначе они оба погибли бы. В этой вселенной у него не осталось друзей. Без друзей не было бы помощи в случае подобных сражений. И так далее. Но... Ронэн знал, что ни одна из этих мыслей не пришла в голову Цермину, когда он жертвовал собой ради него. Он даже не заботился, если бы Ронэн умер сейчас и «вышел из игры», спасая друга, которого он нашел в этом фэнтезийном мире. Именно поэтому Цермин улыбался. Ронэн спешил вниз по горе, чтобы привести его к врачу и дать ему зелье. Именно то, что было благословлено Аврионом. Он добрался до места, используя свою «Команду из одного слова», чтобы потребовать бесплатную услугу и зелье, и смог обеспечить Цермину место для восстановления и отдыха. Ему это вообще не было нужно. Перенос Пламени исцелил его и увеличил его собственное Пламя. Теперь возникла проблема с тем, что два бога знали его личность и могли преследовать его. Он был начеку, но честно говоря, понимал, что если они снова появятся... Игра будет окончена как для него, так и для Цермина. Однако они решили этого не делать. Ронэн мог догадаться, почему. Во-первых, им нужна была помощь людей. И если бы он рассказал людям на этой вечеринке или даже просто распространил слух, что боги хотят использовать их как жертвенных ягнят... Их вера ослабла бы еще больше, чем когда-либо, ослабляя их. Частично именно поэтому они еще не напали на демонов, которые творили хаос. Нападения усилили их молитвы. Конечно, можно было бы усилить страх, но это было как выгода для обеих сторон. Благодаря этим молитвам, они могут восстанавливать силы, пока не будут готовы к новой Целесто-Абиссальной войне. Второй причиной был Цермин. Его последние атаки... Они размылись в памяти Ронэна, потому что в то время он мчался прочь, чувствуя усталость от повреждений, полученных от атак Палласа. Все же, он мог почувствовать, насколько они были мощными. Более мощными, чем все, что он когда-либо видел, возможно, даже немного мощнее, чем истинное обличие Палласа. Это была сила Авриона, текущая по его венам, позволяющая даже победить богов, используя только десятую часть своих возможностей. Именно поэтому он был королем Небесных Богов. Он обладал такой же силой, как Фаусфорус, поэтому Владыка Тьмы уважал его и дружил с ним, несмотря на слабую волю и внушаемость. И часть этой силы теперь была

заключена в Пламени внутри Ронэна...Он чувствовал, насколько это было иначе. Кай был прав, когда говорил, что даже на низких уровнях Цермин все равно будет пассивно сильнее, чем он.С такой ценной силой внутри него и Пламенем...Ронэн не должен был тратить ее на кого-то другого. Только он может овладеть ею. Он должен убедить Цермина больше никогда не использовать Жертвенный Свет.Цермин спал много дней, и исцеление заняло очень много времени, даже когда Ронэн каждодневно давал ему зелья. Если бы у него был Зеуксис или машина для воскрешения, возможно, все было бы быстрее. Но у него не было ни того, ни другого.Говоря о Зеуксисе, бой между ним и Ловущкой тоже был довольно долгим. Возможно, там время течет по-другому, или они были равны в битве.Независимо от победителя, Ронэн бы справился. Если это Ловущка, он сможет победить его снова, так как теперь он смертен, а не бог, как Паллас и Везувий.Но все же... Он надеялся, что это Зеуксис.Пока Цермин спал, а янтарное ожерелье оставалось нетронутым, Ронэн вернулся на Гору Феникса по двум причинам.Раздражить двух богов, вернувшись на их территорию и показав, что они ничего не могут с этим поделать...И убить еще несколько фениксов, так как он был близок к 80-му уровню.Все это благодаря Пламени Цермина. Казалось, что уровень его Пламени почти вдвое превышал его собственный.На 100-м уровне он был бы грозной силой, но Ронэн не позволит ему дойти до этого.Ему просто нужно подготовить свое тело к графиту и достичь 100-го уровня, а затем забрать его Пламя и выжить в Baptismal Grounds.Ронэн убивал фениксов быстрее, используя новые навыки и меч Цермина. Он был равнодушен и задавался только одним вопросом: «Когда же проснется Цермин? Когда же Зеуксис сбежит?».Он был один, и с каждым прошедшим временем ему казалось, что это так было всегда.И только тогда он осознал, что ему на самом деле не нравится быть одному. Он может говорить все, что угодно, о том, что предпочитает одиночество, чем иметь дело с жалкими людьми.Но одиночество было непобедимым противником, как покой, ночь и смерть.Это неизбежно. Всепоглощающе. Всемогущественно.Он вспомнил одиночество, которое всегда чувствовал Оу, с самого детства.Казалось, что оно существовало с момента его рождения. И чем больше он вырос, тем хуже становилось. Его одноклассники ненавидели его, за исключением одного, его мать умерла, оставив его одного, а даже его друг...Этот друг, которого он так ценил, тоже его покинул.Поэтому он остался один сражаться с одиночеством. Это было как неизлечимая болезнь. Все казалось временной таблеткой, которая не продлится вечно.Он убил всех фениксов, кроме одного. Этот был моложе, с переломленной ногой и сломанным крылом. Он смотрел на Ронэна с великим страхом... Потому что Ронэн просто ото забрал у него всех.Он был один.Ронэн опустился на колени рядом с ним, и птица попыталась отползти от него. Ронэн просто подошёл ближе и сказал:«Должен ли я положить конец вашим страданиям и заставить вас присоединиться к ним?».Как-то птица поняла его.Она подошла ближе к нему, приняв свою судьбу и умоляя его положить конец этому одиночеству, позволив ей присоединиться к остальным в смерти.Ронэн быстро и милосердно отсек ей голову.Он услышал «Динь!», и Кай появился.Но на этот раз он не сообщил ему об достижении 80-го уровня.Вместо этого его система мрачным голосом сказала:[Это, возможно, самое доброе, что ты когда-либо делал].«Это не доброта. Я Смерть, мой долг — приносить Конец всему».[Но то, как ты это делаешь, может отличаться от «жестокой смерти» и «милосердной»].Ронэн не ответил и просто встал. «Просто дай мне уведомление».[Почему бы тебе просто не убить его милосердно, как этого? Когда придет время, ему не нужно знать. Ты можешь сделать это во сне, ты можешь сделать это, пока он слеп, во тьме, без сознания].«Я уже думал об этом», - сказал Ронэн.Кай был немного удивлен. [С чего бы?].«С тех пор, как он глупо попытался умереть, не позволив мне сделать это».Ронэн задавался вопросом, если бы он действительно убил Цермина мирно, заставив его поверить в их фальшивую дружбу до конца...Улыбнулся бы он тоже?